МИХАИЛ ГУНДАРИН

ЯВЛЕНИЯ

2015

4 (2Рос-Рус) 6-5
Г948

Новая книга барнаульского поэта Михаила Гундарина (lmstory@rambler.ru) составлена преимущественно из стихов, написанных в последние три-четыре года.

(С) Михаил Гундарин, текст, 2015

Содержание

«Закрыли от нас комету...»
Семидесятые
Восьмая баллада
Десятая баллада
История с ангелом
История с переменами
История с августом
«Когда движняк минут…»
«Нелегко оставаться...»
Незнайка на Луне
Манга
Техноямбы
Апрель
«Уже обозначается сезон...»
«Очередной зимы стальная ось...»
«Тренье слизистых, пенье медных...»
«В этой книге он перемолол...»
«Океан что береза – зазря шумит...»
«сквозь темный лес тугих пружин...»
Русская песня
«Мы рощу увидели в первый раз...»
«Закроем глаза чтобы лучше видеть...»

* * *

Закрыли от нас комету
предутренние облака.
А дальше – пора рассвету,
и снова ты далека.

Лежи, где тебе сказали –
на дне далекой грозы,
увиденная глазами
полуночной стрекозы.

Покуда не время миру
окутываться огнем,
небесному командиру
ломиться в земной проем...

СЕМИДЕСЯТЫЕ

На каникулах, возле Бийска,
А сегодня мы на базаре –
Грязном, скомканном как записка,
Как окурок на тротуаре.

Жарко. Люди толпятся возле
Деревянного туалета.
Солнце в плечи колотит гвозди,
Бесполезно пылится лето.

Сонно стелется «Арлекино»
По киоскам и по прилавкам.
Под ногами сухая глина,
Издыхающая муравка.

Здесь толпа без конца и края,
Огород разномастной речи...
И русалка – точь-в-точь такая
У соседа на левом предплечье.

(Он кедровые ложки режет
он ругается тяжким матом,
ходит, курит в майке несвежей
и глаза его – две гранаты)

А русалка-то – среди лилий,
На ковре. Не ковер, а сказка,
Где отсутствие четких линий
Искупается красок пляской.

Самодельное, как окрошка,
В стиле ранних пятидесятых -
В золотые миры окошко
Из прокуренной тесной хаты.

Может, это о Пугачевой,
Может быть, о грядушем порно,
Что-то есть в картинке кичевой,
В дне, пропахшем известью хлорной.

Наши бредни об океане
В изнывающем, злом июле,
Чья-то смерть на большом экране
И мясник на скрипучем стуле.

Сонный морок, распад империй,
Все, что было и будет с нами,
Все падения и потери –
Здесь, в рисованной телеграмме.

Раскрывайся, тройной гармошкой
Косо сложенная записка!
Жизнь, стучи деревянной ложкой
По базарной площади Бийска.

ВОСЬМАЯ БАЛЛАДА

Любовь не рискует сажать самолет
Туманному сердцу под кожу.
В печальную трубку вмерзает «алле!» –
Ты понят и прожит.
Сворачивай трубкой свои чертежи,
Кривые как листья герани.
Хронометрам сдохшим пример покажи,
Давай, до свиданья!
Но вот чем утешься, ботаник-простак:
В сумятице бывшего сада
Терновый венец не покинет куста,
Сочувствие – взгляда.
Везунчик-очкарик, в такой простоте
И вновь оказаться на воле!
Что делать с пространством? Конечно, лететь!
Отсюда – на полюс.
Ты снова ребенок, пустынник-Амур,
Укройся в темнейшей из комнат,
Где сила твоя не нужна никому,
Что значит – огромна.

ДЕСЯТАЯ БАЛЛАДА

Над 307-м километром
Дешевое солнце взошло.
Каким-то неведомым ветром
Меня в эту глушь занесло.
Я был содержимым попуток
Не знаю что делать теперь
И кажется через минуту
Навеки закроется дверь
Тяжелую эту пружину
Едва ли удержишь плечом
О главном молчать прикажи нам
(Шепни для начала – о чем)
Кто в этом холодном мотеле
Последнюю ночь переведет?
О чем нам синицы свистели
Веселый апрель напролет?
Зачем ты мне снова приснилась,
И снова была холодна?
В какие карманы набилась
Последняя горстка зерна?
И снова – измена, измена,
А после – беда и беда.
Но это финальная сцена,
И сыграна не без труда.
Езжай, очевидец, обратно,
Пей пиво и лучше молчи
Про эти разрывы и пятна
Потерянные ключи.

ИСТОРИЯ С АНГЕЛОМ
восемнадцатого апреля 1996 года
только что выстроенный особняк моего отца
(как тогда говорили, коттедж)
загорелся со всех сторон, шансов не было ни у кого,
погиб отец, его молодая жена, ее ребенок от первого брака
мой как бы сводный брат иван
пяти лет. задохнулись в дыму, пытались выбраться, не смогли открыть двери.
кто-то закрыл их снаружи да так крепко,
что даже гибнущий человек, у которого сил всегда прибавляется,
не смог этот запор сломать.
поджог, однозначно – сказали менты
ну сказали и сказали а что толку
времена-то какие никто и не удивился
бизнес есть бизнес
меня в городе не было, я путешествовал по америке
последний подарок отца, как получилось
да и был бы в городе жил все равно отдельно
да и был бы в доме ну и что
погиб бы тоже а мне 20 лет
что толку и все равно все равно
подозревали отцовских компаньонов
лысого дядю колю бывшего второго секретаря обкома
бандита петю продвинутого в бизнесе сергея сергеевича
эмбиэй, все дела, он-то в америку меня и посоветовал отправить
может пожалел может спасти хотел
приходили все сокрушались выделили денег ну обсчитали конечно
времена то какие бизнес есть бизнес
я уехал во францию англию голландию чехию эмираты австралию
я 10 лет живу в новой зеландии, 30 миль от окленда
говорят самый райский уголок земли
ну-ну рай так рай

я все время следил за ними ненавидел думал убить
нанять киллеров послать по почте конверт с отравленным
порошком
о
фантазия на высоте
и знаете что с ними произошло? они все умерли
при простых обстоятельствах автокатастрофа
острое отравление на далеких островах
подскользнулся в ванной ударился головой
никаких в общем мучений
не то что отец
ну и ладно пусть хоть так
и знаете что? я с недавних пор стал мучиться
я ведь знаю что это я убил их
своей волей я изменил их судьбу
они заслужили заслужили но я не мог спать
я не мог есть я не мог их больше ненавидеть
я думал вот умру и все закончится
лежу себе в палате маленькой больницы
скоро скоро
и тут ко мне является ангел
белый большой светяшийся все дела
и начинает:
не знаю как тебе сказать, но вообще-то это я.
я их всех наказал ты тут не при чем они заслужили
и не за твоего отца нет нет
чем заслужили не спрашивай у нас своя бухгалтерия
и знаешь что еще?
и твоего отца наказал тоже я он тоже заслужил
ну и его семью тоже кого-то с упреждением заранее то есть
я ангел-истребитель такова моя миссия
бизнес есть бизнес
так что выздоравливай ты тут не при чем
ничего себе заявление
и знаете что? я ему не поверил
нечего меня утешать
скоро я умру и сам стану ангелом-истребителем
у меня для этого есть все
долгая память
твердая рука
четкий глазомер

ИСТОРИЯ С ПЕРЕМЕНАМИ
Хорошо стать вот этим шофером
35 лет одет в футболку и шорты резиновые шлепанцы жарко же -
шофером
вон того маленького грузовичка (развозка фруктов, лимонада, печенья по киоскам)
праворульного, тупорылого, ростом с две больших собаки
- шофер (он же экспедитор, а грузовичок в аренде, захочет — выкупит, а не то накопит денег и приобретет новый) - шофер
захлопывает трапецевидную дверцу
идет за пивом возвращается с большой пластиковой бутылкой
открывает дверь кладет на сидение бутылку садится сам
это летний вечер
он приедет домой припаркует грузовичок во дворе старой пятиэтажки
под старыми тополями зайдет домой
включит телевизор будет пить пиво смотреть все равно что
имеет полное право
завтра на работу
по выходным на пляж
за грибами — это уже осенью
зимой можно и на лыжах
Хорошо стать и вон тем немолодым (но и не сильно старым) джентльменом
в твидовом пиджаке и мягких туфлях
рубашке поло серого цвета
входящим с женой в дорогое кафе
жена его ровесница
умная женщина доцент наверное или юрист
а он — джентльмен -
профессор или генеральный директор
небольшой внедорожник вот откуда они вышли

да как внедорожник нормальный городской автомобиль
с нашими-то улицами бордюрами ямами а зимой! Самое то
но и летом отлично
в кафе
они будут пить кофе под негромкую музыку
обсуждать как прошел день совещания лекции коллоквиумы
а может джентльмен - частнопрактикующий врач: невропатолог,
а?
Стиль уверенность квартира в центре дача в модном месте
Хорошо
хорошо
да ведь как назло окажется что у этого шофера цирроз печени
а у этого доцента опухоль простаты
уж не говоря про его жену
больные какие-нибудь дети
родители в маразме
долги
наследственный алкоголизм
все в таком роде
да ведь к тому же
ты уже был кем-то из них
или всеми по очереди
и не понравилось
продолжим поиски
времени у нас предостаточно

ИСТОРИЯ С АВГУСТОМ (ЯНВАРЕМ)
город в августе
старая часть:
грязноватые разномастные заплатки крыш
желтоватые черепа утоптанных дворов
(асфальт лишь по кромке, вдоль подъездов)
к августу затягиваются курчавой зеленью.
я жил тут
я любил всегда эту пору
эту позднюю зелень
как бродится по окраинным дворам окраиной лета
(потрачено всегда бездарно, как отпускные деньги, как жизнь)
все возвращаются кто откуда, а я вот он, встречаю.
в 94-м, в 2000-м, в 2005-м.
валяюсь на травке, сижу глубоко посреди дворовой зелени с бутылкой пива,
с ребенком, с книжкой, со всеми тремя.
дни хорошие погожие
не жарко
муравка что
а вот вырастает такое зеленое три метра
с огромными листьями
типа пальма
я узнал клещевина
пальмы во всех дворах
с семенами похожими на гладкие черные бобы
в них яд
страшный яд от которого нет противоядий
рицин
4-х семян хватит убить кролика или человека
6 - лошадь
есть одно только исключение это – утки
чтобы убить утку необходимо 80 семян
зачем убивать утку
август, август
каковы же семена на вкус?
горькие, безвкусные, кисловатые, соленые?
хотел узнать
мог бы узнать
не узнаю
и что еще обидно
в августе

я увидел бы все описанное выше
из взлетающего самолета
который
ну
мне было бы проще вспоминать
а так что я разглядел
за те самые 3 минуты 43 секунды
белая равнина
серые пятна
грязный снег
январь такое слово
январь

* * *

Когда движняк минут
Расчистит все углы
Пускай тебе споют
Подземные битлы

Не выслушав Michelle
Не поступить в МИ-6.
А если есть мишень
То и пощада есть

В ритмическом аду
Черешневом саду
По каменному льду
Я линию веду

* * *

нелегко оставаться
одному в этом мире
где 12х9
или 3х4
но зато невозможно
одному не остаться
там где 10х10
или 30х20

НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ
В коммунистических, нервущихся
И шляпе с аццкими полями
(и это все мое имущество)
Я там, над вами вверх ногами.
Что за нелепая утопия!
Но детство всякое нелепо,
Как насморк или плоскостопие –
Мороженое вместо хлеба.
Пускай бредово, но продуманный
В подробностях, до каждой спицы,
Давно поломанный, полуденный
Вам этот мир все так же снится.

МАНГА
Когда с толпою кукол
Под крики горожан
Пересекаю купол
Расцветки баклажан
Я так хочу обратно
В хрустальный ком зрачка
Где крапинки и пятна
Легли наверняка
Но никого не впустит
В разбитые очки
Закрывшееся устье
Пылающей реки

ТЕХНОЯМБЫ

I

Вчерашней музыки паУзы,
Недоуменье батарейки –
ее сменившие кургузы,
пожалуй, меньше канарейки.
Они из подсознанья ямба,
Из чертовни хороших строчек,
Любую из которых я бы
Отправил в ад без проволочек.
Увы! пришельцы и герои,
Теперь живее всех живущих,
Их равнодушною игрою
Замешана земная гуща.
Зане смененные помяты,
И отправляются на волю
Ломать стальные аты-баты
По заштрихованному полю.

II

Они сцепляются хвостами
Лоснится вытертая кожа
Их можно поменять местами
С любым кошмаром равно схожих
Но это звери антологий
А мы имеем дело с теми
Кто выползает из берлоги
Как наспех брошенное семя
Сквозь ледовитые экраны...
Проходит через эти коды
(Дырявые как те карманы)
Сквозняк неведомой свободы.
Готовь тяжелую дубину
Мотай рулоны изоленты
Встречать грядущего лавину
Его живые элементы

АПРЕЛЬ

1

Все закончится новым побегом.
Но не сам ли ты мне говорил,
Что зимою теплее под снегом,
А весною – в одной из могил?
Допустимые вольности слога!
Юность знает, где лучше упасть,
Чтоб с грядущего спрашивать
строго,
Как с партнера – козырную масть.

2

Архаичен, тяжеловесен,
Словно медный (типа) пятак
Тех поддельных советских весен,
Когда мы различали знак
То в железной брехне трамваев,
То в холодном движенье глаз…
Ты my Venus, o, you `re my fire...
Эта жизнь пропета про нас!

* * *

Уже обозначается сезон
стеклом растительным, упреком
несерьезным,
желанием подвинуть горизонт
к реке, кипящей дымом паровозным.
И мы стоим в раскрашенных полях -
скорее пешки, нежели комбайны,
а под ногами плоская земля,
лишившаяся памяти и тайны.
Я так хочу, чтоб третий кто-нибудь
нас вывел под испачканные тучи,
текущие, как вспененная ртуть,
над бедной головой ручьем горючим.

* * *

Очередной зимы стальная ось
Легко нашла живое полотно
Вошла в него, прошла его насквозь
И там где вышла вон - воспалено.
Но поболит недолго: это март,
Неприхотливый черновик всего,
Дурак-игрок в карманный биллиард,
Полезное , однако, существо:
Ему известен путь в холодный лес.
Где рваный город вроде башмака
Валяется среди семи небес.
Их видит тот, кто старше сорока.

***

Тренье слизистых, пенье медных,
Шелестение остальных.
Целый мир – от его победных
До его никаких –
Умещается между бедных,
Беглых гласных имен Твоих.

Здесь безумие, и паденье,
И любовь моя, и вина –
Просто звуков сосредоточенье,
Неудавшаяся тишина.
Нам оставлено только зренье,
Жизни судорожная волна.

Что же я все хочу услышать
Предназначенное не мне?
Мир таится полночной мышью,
И в мучительной тишине,
Как оборванная афиша,
Бьется небо в моем окне.

* * *

Океан что береза – зазря шумит,
Ни бананов, ни яблок – одни обиды,
Да сомнительных символов алфавит
За пределами честного алфавита.

Можно сетовать на неуклюжесть фраз,
Вавилонскую башню искать в пучине,
Но покуда он развлекает нас
Эту драм-машину никто не чинит.

В долгосрочной засаде таится речь
Но однажды покажет свой стиль и норов -
Если нужно и вправду на дно увлечь,
Заклинанья полезнее уговоров.

* * *

сквозь темный лес тугих пружин
как яростно сияют эти
бессмысленные чертежи
слова на пыльном эполете
(…неправильные падежи,
зазря закинутые сети)

РУССКАЯ ПЕСНЯ
Незначительное, розовое,
Как желе на плоском блюдце
До конца тебя использовал
Лишь потом сумел проснуться.
Не моею смертью слепленный
Обескровленный куличик
С этой ночью крепко сцепленный
Вдетый в тысячу петличек
Значит, зря весь вечер думал я
Что тоска моя напрасна
Что тяжелое, угрюмое
Пламя все-таки погасло

* * *

Мы рощу увидели в первый раз
Вдоль речки разложенной как салат,
как будто сквозь сон услыхав приказ
она опрокинулась наугад

вот с этой скалы, где теперь стоит
ободранный куст, запыленный лист.
Его, без сомнения, посетит
дезориентированный турист.

А мы у реки развели с трудом
негромкий огонь, дорогой костер,
немного согрелись, и вот ведем
с ночными деревьями разговор.

* * *

Закроем глаза чтобы лучше видеть
Серебристые облака,
Ползущие медленно, как в обиде,
К центру материка.

Пена космического прибоя,
Светящееся ничто,
Трансгалактического конвоя
Штопаное решето.

Или наоборот – посланья
Тем, кто всегда вдали,
Тяжелые, кружевные зданья,
Поднявшиеся с Земли, –

Мелом струящимся расчертите,
Нашу ночь на лету,
Пробросьте свои ледяные нити
Сквозь каждую темноту.